

Он критически относился к своему творчеству, особенно поэтическому. Характер его стихов был сродни его собственному характеру — таинственному, глубинному, неповторимому. В 1925 году в неопубликованном ответе на анкету «Ленинградской правды» он ставил вопрос: «Нужна ли вообще поэзия?»

Ответ на анкету газеты «Ленинградская правда», 18 января 1925 г.

Вы говорите, стихов писать не перестали, хотя их не печатают, изданных же не читают. Ценное наблюдение, хотя не оно убеждает меня в упадке поэзии. Мы пишем крупные вещи, тянемся в эпос, а это, определенно, жанр второй руки. Стихи не зарождают больше воздуха, каковы бы ни были их достоинства. Разноязычием средой звучания была личность. Старая личность разрушилась, новая не сформировалась. Без резонанса лирика немилосива. Короче говоря, с поэзией дело обстоит прелестно. Во всем этом заключен отраднейший факт. Просто счастье, что имеется область, неспособная симулировать зрелость или расцвет в период до крайности условный, развивающийся в постоянном расчете на нового человека, в расчете, прибавках, который и сам болеет и видоизменяется, и из агитационного лозунга дня становится вольным двигателем поколения.

Кто виноват в бедственном положении поэзии? Двадцать шестой год показателен тем, что он не 30-й. Можно ли тут чем-нибудь помочь? Только средствами черной магии.

Нужна ли вообще поэзия?

Достаточно такого вопроса, чтобы понять, как тяжело ее состояние. В периоды ее благополучия не сомневались никогда в ее бесспорной ненужности. Когда-нибудь это опять перестанет возбуждать сомнения и она воспрянет. Пока же до того времени принято думать, что искусство нужно для сохранения преемственности, как перемет от старой к новой, будущей культуре.

С этим взглядом я сталкивался в ответ на мое предложение категорической прямоты и резкости в этом деле. Природе легче бороться с внезапным прелестием, нежели с постоянным тормозом, задропированным формами повторства.

Но как вы запретите искусство, отвечали мне. Не конец ли это поэзии и будет ли она еще существовать?

Вероятно. Я думаю, ее прекращению будут предшествовать явления более знаменательные, чем настоящая анкета. Ну, например, забьет горка, оказавшись потухшим вулканом, или что-нибудь в этом роде. Во всяком случае, как ни глубоко падение поэзии, я и одной такой не отдаю за десяток блистательнейших наших проз, или еще похлеще.

Не как поэт, о нет, гораздо шире, как лицо, увлеченное историей, как характер, втянутый в ее игру, в момент, когда социализму возвращается его широчайшее нравственное содержание, заглохшее горячий основоположничества.

Только поэзия небезразлично, сложится ли новый человек действительно, или же только в фантомии журналиста. Что она в него верит, видно из того, что она еще тлеет и теплится...

В 1942 году Б. Пастернак пишет художественному руководителю Московского Камерного театра в Барнаул, где тогда находился в эвакуации этот коллектив.

Из письма А. Я. Тайрову Чистополь.

Дорогой Александр Яковлевич! Благодарю Вас за письмо из Москвы. Очень польщен им. Рад был живым сведением о Вас и Алисе Георгиевне. И письмо начинаю с самого сердечного привета ей и Вам.

Нечего и говорить, что я буду старался поработать совместно с Вами обоими, но о пьесе говорить рано.

Во-первых, я пишу ее до бездальности медленно. Кроме того, она задумана в той степени независимо, что если не наступит серьезных перемен в наших литературных и театральные постановлении, она едва ли может годиться для постановки и напечатки.

...Вас не должно удивлять, зачем в таком случае я занялся таким неоплачиваемым и малоосуществимым делом. Мы и время так же не молоды; конец, в любом смысле, так уже предвистим и видим, что мне хотелось бы к решительной минуте располагать такой концепцией испытанного и виденного, которых не было бы стыдно ни перед лицом отживающего, старого, ни перед проблесками нового или даже, может быть, перед глазами собственной смерти.

Читали ли Вы моего «Гамлета»?..

Б. Пастернак никогда не жаловался на свою судьбу. 4 марта 1933 года писал А. М. Горькому: «Мне не на что жаловаться, Алексей Максимович, в ничемности и несостоятельности всего мною сделанного я убежден. Горячее и глубже, яснее это звучит в холодных и довольно еще снисходительных намеках критики или предполагается в сферах,

куда мне нет доступа отчасти потому, что меня туда не тянет.

Еще менее могу я жаловаться на недостаток чьей-нибудь симпатии: доброй воли поддержать меня кругом так незаслуженно много, что не будучи ни большим писателем, ни драматургом я при помощи одного расположения издательства довольно сносно держусь в нынешней необходимости моей зарабатывать...»

Через 20 с лишним лет Б. Пастернак пишет В. Т. Шаламову уже не о «снисходительных намеках критики», а буквально следующее: «Ужасна эта торжествующая, самоудовлетворенная, величающаяся своей бездарностью обстановка, бессобытийная, доисторическая, ханжески-застойная. Я так не люблю ее».

Полностью письма Б. Пастернака В. Шаламову будут опубликованы в издательстве «Художественная литература».

Первоначально В. Шаламов искал советов Б. Пастернака, посылая ему свои вещи. Затем случилось обратное. Во вза-



имотношениях двух «великих страдальцев» проявляется удивительная деликатность, которая переросла в дружбу.

Из письма В. Шаламову, 9 июля 1952 года

Дорогой Варлам Тихонович!

...Я склоняюсь перед нештучностью и суровостью Вашей судьбы и перед свежестью Ваших задатков (острой наблюдательностью, даром музыкальности, восприимчивостью к осязательной материальной стороне слова, доказательств которых во множестве рассыпаны в Ваших книжках). И я просто не знаю, как мне говорить о Ваших недостатках, потому что это не изъясны Вашей личной природы, а в них виноваты примеры, которым Вы следовали и считали творчески авторитетными, виноваты влияния и, в первую голову — мое.

И для того, чтобы Вам стало яснее дальнейшее (а совсем не из поглощенности собой), я скажу несколько слов о себе.

Если бы мне можно было сейчас преиздаться, я бы воспользовался для того, чтобы отобрать очень, очень немногие из своих ранних книг и в попутном предисловии показать несостоятельность остающегося в них и предать это забвению.

Я пришел в литературу со своими запросами живости и яркости, отчасти сказавшимися в первой редакции книги «Поверх барьеров» (1917 г.). Но и она претерпела уже некоторые искажения. Я был на Урале, а издатель, плавший этим дань футуризму, приветствовал опечатки и типографские погрешности, как положительный вклад в издание, и выпустил книгу, не поспав мне корректуры.

Какие же свежие ноты были в нескольких стихотворениях книги «Сестра моя, жизнь». Но уже темы и вариации были компромиссом, шагом против творческой совести: такой книги не существует. Ее не было в замыслах, в намерении. Ее составили отходы из «Сестры моей жизни», отброшенный брак, но вошедший в названную книгу при ее составлении.

Дальше дело пошло еще хуже. Наступили двадцатье годы с их фальшью для многих и перерождением живых, душевных самостоятельных в механические навыки и схемы, период для Маяковского еще более убийственный и обезличивающий, чем для меня, неблагополучный для Есенина, период, в течение которого, например, Андрею Белому могло казаться, что он останется художником и спасет свое искусство, если будет писать противное тому, что он думает, сохраняя особенности своей техники... Именно в те годы сложилась та чудо-



живем в условиях совершенно отличающихся от Ваших. И на моя заслуга, что денежный вопрос является второстепенным для меня. Во всяком случае, сохраните себя все, что мне будет причитаться. Нет надобности говорить, что я доверяю Вам безоговорочно, и не буду об этом — до тех пор, пока не приеду к Вам и сам не подниму этого вопроса.

Тем более меня радует, что роман появится и будет читаться в вашей стране. Однако, если Вы предосудите его публикацию, объявленную многими нашими журналами, но задерживающуюся, я окажусь в трагически затруднительном положении. И, все-таки, это не должно Вас касаться.

Бога ради, свободно приступайте к переводу и изданию книги — в добрый час! Идеи рождаются не для того, чтобы остаться в безвестности или погибнуть, но чтобы стать достоянием многих.

Обеспечьте роману хороший перевод. Профессор Логато (историк лите-



...«Я знаю, что под давлением общественности будет поставлен вопрос о моем исключении из Союза писателей. Я не ожидаю от вас справедливости. Вы можете меня расстрелять, выслать, сделать все, что вам угодно, и я вас заранее прошу. Но не горюйте. Это не прибавит вам ни счастья, ни славы. И пожмите, что через несколько лет вам придется меня реабилитировать. В вашей практике это не в первый раз».

Это письмо Борис Пастернак отправил московским писателям, собравшимся в октябре 1958 года в нынешнем здании Театра-студии киноактера, чтобы заклеймить позором автора «Доктора Живаго».

Прогнозы больших художников сбываются... Многие из его наследия нам пока недоступно. Часть писем и документов просто затерялась, что-то находится в личных архивах, что-то за границей. Сегодняшняя публикация (с этими документами читатель познакомится впервые) — несколько штрихов к биографии поэта. Судьба писала эту биографию, «не стесняясь в выражениях».

вищная «советская» поэзия, эклектичность украшательская...

В. Шаламов был одним из первых читателей романа «Доктор Живаго». К его мнению Б. Пастернак не только прислушивался, но и советовался. В декабре 1955 года он пишет ему два письма.

Дорогой Варлам Тихонович! Дайте мне еще месяц отсрочки, родной мой. Когда я летом говорил Вашей жене или Вам писал, что роман окончен, речь шла о необработанном, но сюжетно завершенном пересказе содержания. Какая работа еще предстояла потом! А тут еще МХАТ затесался с просьбой перевести шиллерову «Марию Стюарт», на что ушло полтора месяца...

Ничего не изменилось. То есть изменилось колоссально много: я окончил роман, исполнил долг, завещанный от бога, но кругом ничего не изменилось. Я здоров и счастлив в своем замкнутом кругу, когда же делаются учащающиеся попытки вытащить меня из этого одиночества, это всякий раз разочарывающий удар для меня, настолько я в своей тиши забываю, до какой степени люди могут быть чужими и ненужными, всего лишившись — выродившись и обо всем позабыв...

Преданный Вам Б. Пастернак 10 декабря 1955 г. ПЕРЕДЕЛКИНО.

Дорогой друг мой! Спасибо за скорый ответ. Страшно, второпая мне пришла безумная мысль послать Вам конец романа на спешное прочтение...

Дорогой, дорогой мой! То, что Вы усмотрели в этих тетрадях, не следствие тупоумия или черствости души, наоборот, у меня почти на границе слез печаль по поводу того, что я не могу как все, что мне нельзя, что я не вправе. Сейчас большой поворот в сторону «левого искусства», «опальных имен», и пр. Конечно, я не составляю исключения. Часто куда-то зовут, что-то пред-

ратуры.— М. Г.] благосклонно отозвавшись о поэте и переводчике Риппелино, живущем в Риме, рекомендовал мне его для этой работы.

Примите, милостивый государь, уверения в самых к Вам теплых чувствах. P. S. Не откажите в любезности телеграфировать мне о получении этого письма.

Москва, 6 февраля 1957 г.

Милостивый государь, Госиздате наставляют, чтобы я отправил Вам телеграмму с просьбой отложить публикацию моего романа на итальянском языке до его появления здесь в измененном виде. Я предположил бы Вам, например, крайний срок — 6 месяцев. Согласитесь на эту отсрочку, если это не идет в разрез с Вашими планами, и телеграфируйте ответ, но не мне, а в Госиздат, по адресу: Москва, Новая Басманная, 18, Госиздат.

Огорчения, причиняемые мне неизбежными изменениями текста романа, усугубились бы, если бы я знал, что и Вы намерены следовать им в итальянском переводе, вопреки моему неизменному желанию, чтобы Ваше издание строго соответствовало подлинной рукописи...

22 дек. 1955 г.

25 ноября 1957 г.

Милостивый государь, Вчера я, наконец, получил от Вас желанное письмо от 10 октября, бродившее, невесть где, почти 1,5 месяца.

Не входя в подробности, спешу, от всего сердца, поблагодарить Вас за то, что все доведено до счастливого конца, благодаря Вашей предупредительности и внимательному отношению ко всем тонкостям этого необычного дела. Безусловно признателен Вам.

Я далек от беззастенчивой глупости отождествлять свой голос с голосом самой правды, но имею смелость надеяться, что разделяю стремления всех, кто любит свою родину, жизнь, истину и красоту действенной и благородной любви.

Итак, сделав для меня безгранично доброе дело, Вы сделали больше для меня справедливости.

Мне всегда было стыдно и горчительно, что я приобрел известность такой малостью, как несколько разрозненных стихотворений, что в наше великое время, когда человек должен быть честен и высказывать свои мысли до конца, современная поэзия (и моя, в том числе) отрывочна, неполна и замолкает на полпути. Только в полной прозе, требующей долгого и тяжелого труда, можно положить конец этому тупоумию и постыдному состоянию и открыть новую главу в моем творческом призвании и новый этап моей

Москва, 30 июня 1956 г.

Милостивый государь, Ваши предложения превосходны, я с удовольствием подписываю договор. Хотя нельзя сказать, чтобы я совсем не был заинтересован в гонораре, здесь мы

жизни — сильно запоздавший, но все же наступивший. Судите сами, как я благодарен Вам за то, что Вы помогли мне в этом...

20 июня 1958 г.

Милостивый государь, Более трех месяцев я болел, лежал сначала дома, потом в больнице, а теперь живу в подмосковном санатории. Еще раз благодарю Вас за согласие принять отсрочку, на которой настаивал Гослитиздат. Только это я и просил у Вас. Больше ничего не нужно...

У нас роман не выйдет никогда. Неприятности, которые, может быть, ждут меня в случае его появления в свет только за рубежом, — это уже не наше дело.

Что касается нас, то главное, что мой роман видит свет и Вы помогли мне в этом.

Примите заверения в моих самых сердечных чувствах.

4 апреля 1959.

Мой дорогой, большой и благородный друг!

...Вы хорошо знаете, что я связан в своих делах вплоть до бездействия, что я не могу ни освободиться, ни решать, ни переписываться. Руки мои связаны и управляются извне, помимо моей воли. В условиях нашей взаимной и полной изоляции Вы действовали со сверхъестественной безошибочностью божественного провидения. Ни в чем не могу упрекнуть Вас, разве лишь в том, что избаловали и ослепили меня своими неизменными блестящими успехами.

Будь я вправе мечтать и надеяться выжить, я думал бы о другом времени, которое наступит через 2—3 года, более спокойном, счастливым и терпимом, когда я смогу забыть «Д(октора) Ж(иваго)», отнесенного тремя новыми произведениями, публикации которых я обговорил бы вперед с Вами в свободной переписке или, лучше, при встрече, побывав у Вас в гостях во время моих путешествий в Европу.

Я задумал написать пьесу в прозе о крепостном театре накануне освобождения крестьян, 2) поэму о любви к свободе, воплощенную в образе сербьянки (страстная жажда независимости, горы, море, Адриатика, нечто, в духе Мериме), 3) роман из античных времен, переплетенных с современностью, о первых годах нашего тысячелетия где-то в Иберии, на каких-нибудь воображаемых раскопках на Кавказе. (Вы можете благословить и поддержать это начинание, отправив мне материалы и книги для подготовки пунктов 2 и 3 — по поводу Югославии и археологических раскопок — что-либо из жизни, фактов, документов, драматических любовных завязок), а также передав ту же просьбу относительно печатных источников Коллинс и Фишеру.

Между тем, в нынешних условиях между нами возникли новые взаимоотношения, которые, ни в чем не ущемляя как Ваших прав и интересов, так и моего уважения к Вам, важны и заслуживают внимания.

Ваше великолепное издание романа на русском языке избобилует опечатками, большей части которых можно было бы избежать, будь редакция поручена г-же де Пруайар. Она хорошо знает текст романа как славистка, принимавшая участие в его переводе на французский язык и располагающая выверенной мной самим рукописью.

Во время наших деловых встреч, вникая в мои дела и рукописи, она постепенно приняла на себя трудную задачу быть моим единственным и полномочным редактором. И в этом не кроется никакого-либо предположения, обидного для остальных моих друзей, недовольства или неодобрения.

Я хочу, чтобы в затянувшийся период моего бездействия, неспособности влиять на ход событий, выбирать, переписываться, наслаждаться плодами Вашей активности и моей мысли, пока я не могу знать о результатах и даже смеять знать о них, я хочу, чтобы Ваши и ее функции были четко и целесообразно разделены...

Верьте моей неизменной признательности. Я стою к Вам обязан. Все могло бы быть иначе, не будь этой утраты всех простейших нрав.

Б. Пастернак.

P. S. (очень важно). В моем пропавшем письме был список фамилий и сумм, которые я хотел передать названным в нем лицам в качестве дара... помощь в случае крайней необходимости, когда не буду знать, где приклонить головы. Может быть, в тяжелую минуту, я буду вынужден прибегнуть к его помощи, но о том, как ее оказать, он сможет посоветоваться с г-жой де Пруайар, на основании имеющегося документа, не тревожа Вас по этому вопросу.

О, знал бы я, что так бывает, Когда пусклся на дебют, Что строчки с кровью — убивают, Нахлынут горлом и убьют!

(1931 г.)

Публикация и комментарий кандидата искусствоведения Михаила ГОЛЬДЕНБЕРГА.

Литературная БИР

1990-99

74